

«ЧАСТНЫЕ ВОЙНЫ» ОТДЕЛЬНЫХ НОВГОРОДСКИХ КУПЦОВ С ГАНЗОЙ И ЛИВОНИЕЙ В XV В.

Разбор и разрешение конфликтов новгородских купцов с ганзейскими на территории Новгородской земли был монополично предоставлен специальному суду при церкви Ивана на Опоках, которым руководил степенный тысяцкий. Конфликты же, возникавшие за рубежом, в Ливонии, на море и в заморских ганзейских городах, разрешались существовавшими там властями и судами. Это сильно усложняло разбор и справедливое разрешение споров, так как в условиях феодальной раздробленности каждый город и каждая местность на Западе имели свои отличные во многом от других кодексы. Так, например, Ревель был городом, подвластным Ливонскому ордену, но в торговых делах, как член Ганзы, руководствовался ее постановлениями. А быстро развивающийся город Нарва вообще не был ганзейским городом и полностью подчинялся орденским властям и торговал с Новгородом, независимо от ганзейских запретов и прочих распоряжений.

Естественно, что в таких условиях отдельным новгородским купцам, потерпевшим убытки или пострадавшим в Ливонии или в других посещаемых ими местностях, было очень трудно добиться скорого и справедливого удовлетворения своих жалоб. В таких случаях наиболее упорные и самостоятельные новгородские купцы добивались управы своею собственной рукой, так называемой «частной войной», опираясь на древний обычай «кровной мести» и «принцип взаимности», проходящий красной нитью почти через все торговые договоры Великого Новгорода с ганзейскими городами.¹

Конечно, пользоваться «частной войной» считалось допустимым лишь в том случае, когда все законные способы найти управу были безрезультатно исчерпаны. Об этих сложных, не всегда соблюдаемых правилах пишет рижский архиепископ Гергарду фон Клеве, когда тот спросил, как ему отомстить за убийство в Ямагороде его переводчика, бюргера Нарвы.² В письме архиепископа сказано, что на основе существующей договоренности с Новгородом, скрепленной крестоцелованием, в случае нанесения русскими какому бы то ни было ливонцу ущерба не следует спешить с преднамеренной местью, а надо сперва три раза обратиться к русским властям, чтобы они дали исправу. Если это не поможет, то надо пригласить на съезд на границе представителей русских, которые участвовали в крестоцеловании. Если же они не явятся или, явившись, не дадут ис-

¹ См., например: текст договора Новгорода с ганзейскими городами 1436 г. (ГВП. № 67. С. 111—112).

² Подробнее см.: Казакова Н. А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения: Конец XIV—начало XVI в. Л., 1975. С. 62, 63 и 65.

правы, то только тогда ливонская сторона в споре имеет полное право мстить русским.³

Цель настоящего сообщения — воскресить в памяти имена некоторых новгородцев, упорно боровшихся за свои права и за справедливость, нарушенные немецкими купцами-авантюристами или какими-нибудь жителями Ливонии, но не получивших быстрого разрешения спорных дел и возмещения убытков. Материалы, опубликованные в цитированных уже сборниках ливонских грамот, позволяют нам в первую очередь назвать Рыжего Жигана, Артемия Баклана, Петра Новоторжца и Зиновия Скоратника.⁴

Начнем с дела Рыжего Жигана,⁵ о котором мы узнаем из письма Немецкого торгового двора в Новгороде Ревелю от 25 апреля 1440 г., где подтверждается, что он получил его письма, в которых сообщалось, что Жиган опять привез в Новгород товары. Эти письма администрация двора передала посаднику и тысяцкому. Ответ они дали только через три недели, и он состоял в том, что двору возвратят эти товары.⁶ Как станет ясно из дальнейшего, речь идет о товарах, которые Жиган насильно отобрал в пути у какого-то ганзейского купца в счет удовлетворения своего иска, оставленного без внимания ревельскими властями.

В письме Немецкого двора от 16 мая 1441 г. Ревелю, соответственно Дерпту, говорится, что новгородские послы, бывшие в Ревеле для переговоров о конфликтах русских купцов в Ревеле, прямо сказали, что если ревельцы не разберут и удовлетворят иск их брата Зиновия, молодого человека, то новгородские власти не станут ему препятствовать, если он у любого ганзейского купца отберет столько товара, сколько требуется, чтобы покрыть его убытки.⁷

В этом же документе находившиеся в Немецком дворе купцы, в основном «молодые люди» (не только по возрасту, но и по малому количеству товаров), сообщают, что если ревельскими и ливонскими властями не будут удовлетворены жалобы и иски русских купцов, то грозит объявление полного запрета свободного приезда и выезда немецких купцов с товарами. Здесь впервые назван по имени ре-

³ Liv-, Est- und Kurländisches Urkundenbuch (далее — LUB). Riga; Moskau, 1889. Bd IX. № 455 (Письмо рижского архиепископа от 19 июня 1439 г.).

⁴ См.: LUB. Bd IX. Именной указатель. Транслитерация на латиницу прозвища Жиган из-за того, что в нем вначале встречается звук [ж], а в середине между гласными [г], смущала немецких писарей, так как в средненижнемецком языке звук [ж] необычен, а взрывной [г] между гласными в середине слова произносится как щелевой звук. Поэтому в документах и в пменном указателе мы встречаем несколько вариантов написания этого прозвища, к которому иногда прибавляется эпитет «рыжий» — *de rode*. Мы встречаем варианты *Sichne*, *Zuchne*, *Zuchene*, *Sygaen*. Прозвища Жиган и Скоратник говорят о происхождении их носителей из среды ремесленников, Новоторжец — свидетельствует о происхождении из Нового Торга (Торжка) его самого или его родителей, а Баклан — это название вида морских птиц.

⁵ Автор предупреждает, что в своей статье «Заемный процент в Новгороде первой четверти XV в.» (ВИД. 1974. 6. С. 249) он ошибочно отождествил Жигана с Зиновием.

⁶ LUB. Bd IX. № 724. S. 246.

⁷ Ibid. № 724. S. 512.

вельский бюргер, который нарушил главный закон ганзейско-новгородско-ганзейской торговли, запрещающий применение кредита в ходе купли и продажи, от чего и пострадали Жиган и Зиновий Скоратник. Звали этого купца-авантюриста Готшалк Копман. Он взял у этих русских купцов товары и, не заплатив за них немедленно аналогичными по стоимости своими товарами, скрылся.⁸

Из этого же письма видна социальная подоплека, на основе которой ревельские власти, получившие вместе с другими ливонскими городами в середине XV в. право руководства ганзейской торговлей с Новгородом,⁹ но занимавшие в нем ведущую роль, но корыстными соображениями стали допускать обманные сделки с новгородцами в стенах своего города, мало заботясь о делах и судьбе ганзейского купечества в Новгороде, и вообще допускать временные прекращения двусторонней торговли. Находившиеся в это время в Новгороде немецкие купцы, в основном «молодые люди», объясняли это тем, что правивший в Ревеле патрициат при желании смог бы навести порядок в ганзейско-новгородской торговле, но он слишком мало ценил в торговом дворе «молодых людей», так как тот, кому хорошо живется и кто наполняет свою кошелю, не думает об общем деле.¹⁰

22 ноября 1441 г. Немецкий двор опять пишет Ревелю, что его бюргер Берн Бёгель прибыл в Новгород. В пути у него Рыжим Жиганом были отобраны три поклажи сукна и все то, что он имел еще с собой. Результатом этого был запрет выезжать немецким купцам из Новгорода, его выкликивали на торгу и грозили возчикам, нарушавшим этот запрет, наказанием кнутом.¹¹

2 января 1442 г. Немецкий двор сообщает Дерпту, что купеческие представители 6 недель ходили к новгородским властям, прежде чем им удалось выволить товары, захваченные Жиганом, но с тем условием, что Жигану нужно дать суд в срок между этим письмом и серединой поста (11 марта) по его иску к Готшалку Копману на основе крестного целования. Если в указанный срок это дело не будет решено судом, то власти Новгорода дадут Жигану право вновь самолично возместить свои убытки за счет любых немецких купцов. В письме дальше читаем, что в Ревеле был по этим делам летом 1441 г. новгородский посол Л. Месник в сопровождении Зиновия Скоратника. Ревельский бургомистр им сказал, что Копмана в данный момент в городе нет, а если «бог даст» он прибудет, то ревельские власти прикажут ему полностью вернуть Зиновию его товары, которые будут посланы в Немецкий двор в Новгороде. Послу была прочитана и крестоцеловальная грамота, в которой было написано, что там, где конфликт возник, там его следует и закончить либо примирением, либо судебным приговором. Но дело Жигана затрудня-

⁸ Ганзейско-новгородская торговля была меновой — «товар на товар». Подробнее см.: *Клейнберг И. Э.* Оформление договора купли-продажи и мены в ганзейской торговле Новгорода и Пскова // ВИД. 1970. 3. С. 133.

⁹ *Казакова Н. А.* Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения... С. 116.

¹⁰ LUB. Bd IX. № 724. S. 512.

¹¹ Ibid. № 778.

лось еще тем, что его конфликт с Копманом начался в Новгороде в Немецком дворе, поэтому Новгород требовал присылки Копмана в Новгород, чтобы закончить дело так, как предписано крестоцеловальной грамотой, на месте его возникновения.

Кроме Жигана, от исчезнувшего Г. Копмана пострадал и Зиновий Скоратник: Копман не только увез неоплаченный товар, но и взял у последнего в долг под заверенную расписку 100 р. серебром и 60 рижских марок.¹² Вдобавок Зиновий Скоратник имел еще иск к ревельцу Керстену Бенхольту, который пришел к нему в Ревеле на двор, где он остановился с 16 товарищами на время пребывания в городе. Бенхольт сильным ударом повалил его на пол и отнял от него 200 р. деньгами (новгородские чеканные деньги в противоположность рублям-слиткам), а затем повел его в дом палача. Там Зиновия привязали цепями к крестообразной колоде, лежавшей на полу; при этом у него еще отобрали три с половиной рубля серебром, затем он был брошен распятым в погреб с кишевшей там всякой нечистью — «жабами и змеями».¹³

Все эти неразрешенные конфликты и «частные войны» между новгородскими и ливонскими купцами, приводившие и к «рубезжу» (т. е. к задержке отъезда домой с товарами купцов из заморских ганзейских городов), вызывали у последних большое недовольство руководством торговых дел Гапзы ливонскими городами и особенно ревельскими властями. Мы уже сообщали о недовольстве пренебрежением, проявляемым ревельским патрициатом к молодым (маломощным) купцам в Немецком торговом дворе в Новгороде. Сохранился «Перечень вопросов», подлежащих обсуждению Любеком с посланцами ливонских городов по делам торговли с Новгородом, в том числе и жалобы на преступные действия Г. Копмана, ревельского бюргера. Там прямо сказано, что ревельские власти давно должны были бы предать его за такие проступки суду, как это они раньше сделали с Гапсом ван дер Мерсе и Курдом Веддермутом, которым по приговору суда были отсечены головы. Дерптцы также недавно осудили за аналогичные преступления одного своего купца. Кроме того, там сказано, что ревельцы открывают и закрывают путь в Новгород, когда захотят, не предупреждая ни рижан, ни дерптцев, отчего эти купцы терпят большие убытки, ревельские же увеличивают свои доходы.¹⁴ Ревельский магистрат также всеми силами пытался укрыть от наказания своего бюргера Копмана, как уже было сказано выше, новгородского посла Л. Месника бургомистр уверял, что такового в данный момент в городе нет (летом 1441 г.). Дерпт же в своем письме Ревелю от 25 мая 1441 г. советовал послать в Новгород молодого человека с сообщением, что Готшалк Копман находится в Ревеле в заключении и что ревельский магистрат собирается его осудить так строго, как этого требует крестоцеловальная грамота,

¹² Ibid. № 801 (Письмо Немецкого двора Дерпту от 2 января 1442 г.). См. также: ВИД. 1974. 6. С. 249—250.

¹³ I.U.V. Bd IX. № 582 (Письмо Немецкого двора в Новгороде Ревелю от 25 апреля 1440 г.).

¹⁴ Ibid. № 876. S. 596 (июнь 1442 г.).

чтобы купечество не терпело бы в дальнейшем убытки от аналогичных преступлений.¹⁵ Несомненно, все это звучит как увертки, чтобы спасти своего купца-преступника от справедливой кары. Чем этот конфликт кончился, об этом в настоящий момент у автора материалов нет. Оба этих новгородских купца вели «частную войну» с немецкими купцами по причине преступных обманных действий своих зарубежных торговых партнеров.

Теперь мы переходим к несколько иному поводу «частной войны» новгородца Артемия Баклана. Дело в том, что его складник, брат, как он его называет, был еще в первой половине 30-х гг. XV в. утоплен в Нарове на орденской территории местными злоумышленниками, а товары его похищены.¹⁶ Новгородцы по этому делу неоднократно посылали послов к магистру Ордена, но он исправы не дал. Поэтому новгородские власти собрались перенести претензии на немецких купцов, находившихся в Новгороде, до тех пор, пока последние не убедят магистра дать ход этому делу в судебном порядке. Ответ новгородцы требовали до Петрова дня, т. е. до 23 июня. Если Баклан не будет удовлетворен, то Новгород будет требовать удовлетворения иска Баклана от немецких купцов в Новгороде и задерживать их выезд из Новгорода. Немецкие купцы в Новгороде жаловались, что, хотя Ревель мог бы уладить это дело, он тем не менее очень мало заботится о их судьбах в Новгороде.¹⁷

{ В первой половине 40-х гг. XV в. в связи с новгородско-орденской войной условия нормальной торговли ухудшились и дело Баклана затянулось.¹⁸ Дерпт пишет 24 апреля 1442 г. Ревелю, что новгородцы сообщают, что товары утопленного складника, по словам магистра Ордена, находятся в Ревеле и его убийство было результатом наущения из Ревеля.¹⁹ А Немецкий двор писал Дерпту 2 января 1442 г., что Баклан, если его дело не будет рассужено Ливонией на основе права, за своего складника возьмет голову будь то рижанина, дерптца или ревельца, любую, которую он только сможет заполучить.²⁰ 13 апреля 1442 г. Немецкий двор пишет Ревелю, соответственно Дерпту, что немецкие купцы заключены в своем дворе, их не выпускают из двора, двух вышедших посадили в железа, только через 14 дней их кто-то из русских купцов взял на поруки на следующие 14 дней. Артемий Баклан все дни дежурит перед Немецким двором со своими посыльными (pusalnicken), т. е. судебными служителями, которые предоставлены Баклану судьями, и

¹⁵ Ibid. № 727. S. 513—514.

¹⁶ LUB. Bd VIII. № 224 и 331. Утопленного русского купца звали Огланов (латиницей в документах — Ogolanime, var. Oghelanive, Fodder Oglanove).

¹⁷ LUB. Bd IX. № 724 (Письмо Новгорода Ревелю, соответственно Дерпту, от 16 мая 1441 г.).

¹⁸ Историю ситуации в это время в отношениях Новгорода с Ливонией и Ганзой см.: Казакова Н. А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. . . С. 62—75 и 120—123.

¹⁹ LUB. Bd IX. № 841. S. 576: «. . . unde daruth [оттуда, т. е. из Ревеля] were he [он был, т. е. складник] vorgraden [предал]». В немецком тексте он назван Зиновием.

²⁰ Ibid. № 801. S. 724.

грозится захватить приказчика²¹ или кого-нибудь другого, чтобы отомстить за убийство своего складника. Двор просит скорее решить судебные дела и Жигана, и Баклана, так как от последнего можно ожидать еще более страшных действий, т. е. убийства двух или трех из немецких купцов, как это ему разрешил Новгород.²²

О жестких мерах, принятых Артемием Бакланом, красноречиво пишет Ганс Мунстед, приказчик двора, магистрату Дерпта: Баклан намерен его убить за своего складника, утопленного в Нарове, но ему (Мунстед) нужно по делам ходить ежедневно по 10—12 раз с одного двора на другой, опасаясь за свою жизнь. В торговые ряды он уже не смеет ходить.²³ 3 марта 1442 г. он заявил бургомистру Дерпта, что его жизнь в опасности днем и ночью, что он неоднократно писал, чтобы его вызволили отсюда, но ответа не получал. Тут больше ста нанятых парней, которые скрытно подкарауливают его, так что он не может узнать, что он должен ожидать от любого встречного. Два раза штурмовали они двор, но господь уберег его от них.²⁴ Это только малая часть его слезливых писаний, кульминация которых в мысли: «Если бы я смог унести свою жизнь отсюда, то никто не заставил бы меня вновь наняться на работу в Новгородский немецкий двор».²⁵ В течение этого времени въезд и выезд из Новгорода был запрещен немецким купцам, торговля не производилась, они сидели в своих дворах под домашним арестом.

Действия Жигана и Баклана являются характерными образцами «частной войны» новгородских купцов, не нашедших справедливого разрешения своих жалоб и удовлетворения своих исков в связи с преступными действиями отдельных ливонских купцов.

Дело Петра Новоторжца является примером того, как трудно было новгородским купцам добиться справедливого или же вообще разрешения своих дел в условиях раздробленности юридической власти в Ливонии. Сохранился подлинник грамоты Великого Новгорода Кольвани с требованием управы для новгородца Петра, чья лодья была ограблена в море недалеко от Ревеля, а людей убиты.²⁶ В русском тексте грамоты владелец назван «новгородчъ Петра», в одновременном немецком переводе прибавлено еще его прозвище «Новоторжец» (Novitorssz). Фамилия бургомистра Ревеля по обычаю того времени была в грамоте русифицирована, так как прозвища и фамилии рассматривались тогда не только как личные имена, но и как имена нарицательные. Крестные же имена заменялись сходными по созвучию русскими. Так, например, бургомистр Ре-

²¹ Приказчиком Немецкого торгового двора принято называть в русскоязычной литературе единственного, кроме священника, наемного работника двора, выполнявшего функции завхоза, а при отсутствии выборной администрации двора (ольдерманов), заменявшего их.

²² LUB. Bd IX. № 835. S. 573 (Письмо немецких купцов в Новгороде Ревелю, соответственно Дерпту, от 13 апреля 1442 г.).

²³ Ibid. № 816 (Письмо от 14 февраля 1442 г.).

²⁴ Ibid. № 824. S. 564.

²⁵ Ibid. № 816. S. 559 (Письмо от 14 февраля 1442 г.).

²⁶ ГВНП. № 71. О его прозвище «Новоторжец» см. легенду грамоты. Там же и дата совершения преступления — конец 1441 г.

веля Albert Rumor назван в грамоте «Олфромъи Кузнечкой». Имя здесь преобразовано на основе некоторого фонетического сходства, а фамилия — это смысловой перевод. Rumor по-латыни значит «шум, стук», в русском же это связали с шумом и стуком, производимыми кузнецом при своей работе. Так, Румор стал Кузнецким.

3 мая 1442 г. Новгородский немецкий двор пишет, что Петр Новоторжец вместе с Бакланом ездил в Ревель и жаловался по поводу разграбления его лодьи и убийства четырех лодейщиков. Ему разрешили посетить место ограбления, но в суде отказали и товары не вернули. Новгородские власти посоветовали ему обождать.²⁷ Из всего этого видно, что при достаточной энергии Новоторжцу не оставалось ничего иного, как искать правды «собственными руками».

Причиной безнаказанности таких нападений на русские лодьи является то, что правовые компетенции в Ливонии были территориально разделены между Орденом, епископствами и городами. Это ясно видно из аналогичного случая с новгородской лодьей в 1425 г. Лодья плыла из Ревеля домой, и в 8 милях от города ее захватили, экипаж убили, товар был выгружен на берег, поделен и увезен в глубь страны. Стало известно, что это было дело рук жителей города Везенберга (по-русски Раковор). На претензии Новгорода к посланнику ливонских и ганзейских городов Дудингу последний ответил, что этот город не принадлежит к ганзейским, поэтому Новгород должен требовать компенсации не от них, а от магистра Ордена, которому принадлежит эта территория. Новгородцы послали по этому делу к магистру, который ответил, что он новый человек и в Ливонии, и в должности и заниматься этим ограблением не его дело.²⁸ Отсюда требования новгородцев о «чистом пути за море».²⁹

Выводы из описания этих событий следующие. После взятия ливонскими городами управления ганзейско-новгородской торговлей резко ухудшились ее условия. Увеличилось число преступных нарушений правил торговли со стороны ливонских купцов, особенно ревельских. Новгородским купцам стало трудно добиваться справедливого суда и компенсации своих убытков в Ливонии. Особенно ревельский патрициат пытался укрывать своих купцов-преступников и не заботиться о поддержании маломощных молодых купцов, находившихся в немецких торговых дворах в Новгороде. Все это принуждало новгородских обманутых купцов добиваться своих прав в Ливонии «частной войной».

²⁷ LUB. Bd IX. № 847. S. 579.

²⁸ LUB. Bd VII. № 317.

²⁹ Подробнее см.: Казакова Н. А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. . . С. 101—116 и др.